

У нас недавно поднялась волынка за комсомольские билеты. Дело в том, что несколько ребят «потеряли» билеты, вот и разбирали их дела. Ничего особенного не добились; дали строгий выговор с предупреждением и будут просить новые билеты.

Батарея, что стоит около нас, что-то большее время молчит, чем стреляет. Я теперь, наверно, курю. От 19 числа и до сих пор я уже начал третью пачку. Ну, что же, пора кончать, охота спать. Сегодня у нас не играю, перешли в расчет Лахонина [?] Да и ребята все наши проигрались. Сейчас без 15 минут двенадцать.

24 ноября 1941 года

Сегодня должен быть доклад на международную тему. Будет делать доклад представитель от дома К.А.* За день ничего особенного не было. Ходили по фабрике, искали барахло. После обеда, часов в 6, приехал докладчик. Доклад был замечательный.

Сегодняшние газеты принесли нам радостную весть: под Ростовом наши отогнали немцев на 60 км, разбив 49-й корпус, дивизии СС «Викинг» и 16 танковых дивизии. Между прочим, это первая крупная победа наших войск. Для немцев началось поражение. На остальных участках немцы жмут, но наши держатся крепко.

Вечером вырезал колесо наполеону.

25–26–27–28 ноября 1941 года

С 25-го числа появилось, наконец-таки, Сталиногорское направление. А я-то уже думал, что Сталиногорск занят. Пропал город. Дней через 5–6 можно ждать сдачи, как это было со многими городами. Неужели, наши не уехали? Да и куда ехать? Нет, наверно. Немцы постреливают то сильно, то затихают. Слышны пулеметные очереди и прочее. На дворе холодно, но снегу выпало немного.

Часто выключают свет, и приходится сидеть в потемках. Нельзя ничего делать, сидишь и скучаешь.

Ветряк делаю медленно, кончил только с колесом. После обеда у нас часто заводят разговоры о доме, о прошлой жизни, о шамовке, перебираем все вкусные блюда и прочее. Какое чувство встает, когда ты начинаешь говорить про свой родной дом, город, близких и родных! Так было и на сей раз; вдруг у меня появилось желание осведомиться о Димочке. Ведь с потерей Сталиногорска я совсем потеряю всякую переписку, и некому мне больше писать.

Вчера тревога была почти целый день. Был капитан, ругался зверски. Позавчера привезли 300 снарядов, а сегодня нет совсем.

Начиная с 14-го числа немцы начали второе наступление.

На наш Сталиногорск идут 130 танков, наверно, давно уже конец.

25-го числа наши на юге потеснили немцев на 60 км – первый успех.

Завтра начинаю новый дневник.

(продолжение
в следующем номере)

ОТ РЕДАКЦИИ:

С Ларисой Георгиевной Кудряшовой наш журнал связывает многолетняя дружба. Редакция часто получает от нее письма, вырезки из ивановских газет, открытки.

Представляем вниманию читателей фрагмент одного из писем нашей уважаемой читательницы и подписчицы.

Редакция сочла необходимым сохранить авторскую стилистику, которая, на наш взгляд, позволяет лучше понять остроту переживаний Ларисы Георгиевны, по достоинству оценить ее любовь к родному городу.

Письмо из блокады

Л. Г. Кудряшова

О себе историю небольшую напишу. Родилась я 4 декабря 1938 года в г. Ленинграде, была в войну эвакуирована в город Иваново. В пути наш поезд бомбили, бабушку убило, а меня ранило в левую руку и ногу. Принял нас в городе Иваново меланжевый комбинат им. К. Фролова. Я жила там с мамой в цехе. Мама была очень худая, глядя на нее все думали, что сейчас ее ветер сдует. Ее взяли в больницу, было ей 28 лет, а меня в детсад перевели на круглые сутки. Я помню, ночью истопник в детсаду топил печь и давал мне в руки колотушку. Я всю ночь ходила и стучала по лавочке.

Утром приходили в группу дети, игрушки были из кубиков и пирамидок, дети строили домики, а потом их рушили с шумом, я кричала: «Бомбят!». Дети выбегали, загоняли меня в угол комнаты и били, говоря: «Не бомбят!».

Завхоз детсада познакомилась с моей умирающей мамой и поклялась ей партийным билетом, что не отдаст меня, Ларочку, в детдом, пока не придет за мной новая мама. Меня взяла к себе Мария Константиновна Дубова – учительница, прожила я с ней 55 лет, умерла она в 100 лет, в 1997 году. Детей блокадного Ленинграда разбирали в семьи быстро:

1. Давали лишнюю хлебную карточку в семью. 2. Освобождали от рытья окопов за городом, за 75 км, Ивановский райсобес на неудачеренного блокадного ребенка выдавал в месяц, с порога, у двери – 5 рублей на воспитание, когда четверть молока на базаре, в войну, стоила – 120 рублей.

Однажды опекуну выдали вместо 5 рублей – ботинки детские, один ботинок был желтый, другой был черный, так и ходила я в разноцветных ботинках.

Я была дохлая. Мать-опекун сдавала для меня свою кровь – 400 грамм за два раза, и врачи

* К.А. – Красной армии. – Ред.

Папа
Георгий Акимович Ивакин

1-й городской больницы выписывали для меня рыбий жир и жидкий гематоген давали, сделанный на бычьей крови. И стали восстанавливаться силы.

Тетка по отцу оставалась в Ленинграде, в войну жила она на Мойке, сын Аркадий двух лет у нее умер с голоду. Пошла на завод она делать снаряды, часто болела. Когда приходила в больницу, всегда опрашивала всю очередь из больных, стоявших в регистратуру: «Кто видел Валю Ивакину с Ларочкой?». Однажды одна женщина откликнулась и сказала, что мать моя уехала в город Иваново. Та женщина ехала с нами в поезде, но при бомбежке мы разлучились. Тетка Евдокия написала письмо в город Иваново, письмо попало на меланжевый комбинат, где я была. Тетка хотела после войны взять меня, но врачи ей не разрешили, она болела и умерла после войны, в январе 1948 года в больнице города Сестрорецка.

Мать моя работала на фабрике имени Петра Анисимова хронометражницей.

Отец Ивакин Георгий Акимович, 5 июня 1912 года рождения служил до войны в Мурманской области, в городе Кандалякше на Кольском полуострове. Ушел на войну 5 июля 1941 года с Москов-

Я,
г. Иваново 25 апреля 1945 г.

ского РВК г. Ленинграда. Он искал тоже, было у теток такое письмо и его слова, что он ушел в 1943 году на прорыв блокады «себя не жалея», тетки другие уезжали в эвакуацию в город Свердловск. Вернулись в 1946 году в город Ленинград, только у одной тетки на улице Заозерной сохранилась комната в 11 квадратных метров, все пошли с детьми туда. Сосед открыл дверь и сказал: «Тетя Лена, извини, я не только от голода, но и от холода бы умер! Я в твоей комнате

весь паркетный пол спалил в печке». Пола не было, была яма, окно было полностью пустым без стекол. Они сделали нары и лазали спать на доски поэтажно вплоть до октября 1959 года. Потом разъехались через 13 лет. Вот такая краткая история. Почерк стал у меня плохой, мне 71 год. Шлю фото военное в г. Иваново в детсаду, мне 6 лет и 4 месяца.

Моя мама умерла в городе Иваново 23 марта 1942 года – Ивакина Валентина Ивановна. Мне было 3 года и 3 месяца.

У меня была подруга в детстве из детдома в городе Иваново. Она мне говорила (ей было 4 года), что она крепко запомнила, как в 1942 году в Ленинграде умерла с голоду ее мама, и лежала она на кровати в платье «в горошек». Когда в Иваново вошла в детдом женщина незнакомая, на ней было платье «в горошек», моя подружка подбежала к ней, дернула ее за платье и сказала: «Мама, почему так долго спала, возьми меня домой». И она ее взяла к себе сразу.

А за мной пришла М. К. Дубова, в сумерках открыла дверь группы в детсаду № 63 меланжевого комбината. Я сидела на кровати, склонив голову, у Марии Константиновны так сразу защемило сердце от моего вида, и она пошла домой, обдумала все и пришла за мной, чтобы забрать домой насовсем...

Юные ленинградцы в ивановском детдоме

P.S. От редакции. Трудная, но во многом светлая судьба Л. Г. Кудряшовой не оставляет безразличными современных юношей и девушек. Один из примеров тому – реферат, посвященный истории жизни Ларисы Георгиевны, написанный ученицей 9 «б» класса средней школы № 43 города Иваново Екатериной Шибаевой. Текст реферата хранится в редакции журнала «История Петербурга» и, возможно, его фрагменты со временем тоже будут опубликованы.